

—
Опасаясь несварения желудка из-за переедания перед сном, они съели всего два кусочка свинины с таро и больше касаться еды не стали. Наутро встали рано, а вымывшись да ополоснувшись, Цзи Жунся и Гу Танцзинь прихватив подарки, отправились в путь.

Цзи Жунся слегка робел:

— А нам не следовало предупредить друг друга заранее? Не будет ли неуместно, если нагрянем без предупреждения?

Не окажи тот Гу Танцзиню помощи, он и впрямь мог остаться хромым на всю жизнь, оттого Цзи Жунся от чистого сердца желал отблагодарить этого друга.

Гу Танцзинь проговорил:

— В том нет нужды. Семья Тан Бою держит лечебницу. Они каждый день открывают двери и принимают больных. Мой приход как раз к месту — пусть глянет, как срастается нога.

— Лечебницу? Танцзинь, а как ты с ним сошелся? — Цзи Жунся про себя подумал, что оно и неудивительно: такой человек без труда сыщет хорошего лекаря, раз сам из лекарей!

Гу Танцзинь и сам считал, что ему несказанно повезло:

— Родные отправили его на два года учиться в академию Чжао цзюйжэня. Только учеба у него не задалась — писать сочинения ему надоело, врачевание привлекало куда сильнее. Его отец с матерью изначально хотели лишь попробовать дать ему образование: не выйдет стать ученым — так хоть знаний наберется, а там и медицине учиться легче будет. Вот и не стали принуждать. Несколько лет назад он еще толком ничего не умел, только и мог, что взвешивать снадобья за старым лекарем, служа мальчиком на посылках. Не знаю, как у него дела сейчас.

Последние два года Гу Танцзинь не навещался в префектуру: во-первых, избегал встреч с Чжао цзюйжэнем, а во-вторых, на первых порах нога и впрямь не позволяла отправляться в дальний путь.

Если все сложилось хорошо, Тан Бою нынче уже должен сам вести прием.

Лечебница семьи Тан располагалась в западной части префектуры. Прошагав с полчаса, они добрались до места.

К тому часу большинство лавок на улице уже отперли двери. На лечебнице семьи Тан красовалась вывеска с тремя иероглифами: «Ань Чунь Тан». Двухэтажное деревянное здание выглядело куда просторнее их собственной лавки.

Когда они подошли, внутри находился лишь юноша с двумя мальчиками лет семи-восьми, занятыми разборкой и раскладкой целебных трав.

Юношей и был Тан Бою. Обернувшись, чтобы сходить во двор за недостающим снадобьем для переднего аптечного шкафа, он приметил у дверей Гу Танцзиня и Цзи Жунся.

Шаги его пресеклись; он растерянно сощурился и сделал пару шагов вперед, боясь, как бы не обмануло зрение.

— Маленький лекарь Тан такой молодой, — Цзи Жунся слегка потянул Гу Танцзиня за край одежды.

Друг Танцзиня... Цзи Жунся думал, что ему лет девятнадцать-двадцать, как и самому Гу Танцзиню, но стоящий перед ними юноша выглядел от силы лет на шестнадцать. Выходит, два года назад ему и вовсе было тринадцать-четырнадцать!

— Младший брат Тан, как поживаешь в последнее время? — Гу Танцзинь, видя, что тот ничуть не изменился и даже ростом почти не вытянулся, оставшись таким же низким, ощутил легкую растерянность, будто вернулся на два года назад.

С той лишь разницей, что теперь у него есть фулан!

Экая радость!

При этой мысли улыбка на лице Гу Танцзиня расцвела еще ярче.

— Эй, брат Гу! А я-то думал, ты до конца дней в префектуре не объявишься! А это кто? — Тан Бою поспешно выскочил навстречу, крепко хлопнул Гу Танцзиня по плечу и только тут сообразил, что рядом с Гу Танцинем кто-то стоит.

— Это мой фулан. Можешь звать его гэ-фулан, — весьма сдержанно молвил Гу Танцзинь.

Однако самодовольную ухмылку на его лице скрыть было невозможно.

Тан Бою дивился про себя: таким брата Гу ему еще видеть не приходилось!

Человек, взявший фулана, и впрямь становится совсем иным!

— Маленький лекарь Тан, не слушай его вздор, зови меня просто Ся-гэр, — хихикнул Цзи Жунся.

— Эх, Ся-гэр! Да что ж мы на улице-то разговорились, проходите внутрь! Пусть ученики пока за дело берутся, а мы уйдем в задний двор, — Тан Бою радушно увлек гостей за собой, наказывая мальчишкам прибрать снадобья.

Задний двор семьи Тан был велик: повсюду сушились самые разные целебные травы.

Во дворе трое учеников постарше обрабатывали сырье, а сквозь окно кухни едва виднелись фигуры двух женщин, хлопотавших у печи.

Дверь, впрочем, была прикрыта — видно, не желали выставлять работу напоказ.

— Мама с невесткой снадобья готовят. Они у нас работающие — я еще и с постели не встал, а они уже на ногах.

— А отец с дедушкой еще отдыхают: минувшей ночью приняли тяжелого раненого, долго возились, пока смогли лечь спать. Младший брат сейчас приглядывает за больным, а старший уехал в деревню за сырьем. Теперь каждое утро мне приходится подниматься да хлопотать. Эх, да что поделать, если я теперь такой умелый стал! — проговорил Тан Бою и невзначай выпятил грудь.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь, глядя на ребячливость Тан Бою, не удержались от улыбки.

Цзи Жунся, впервые пришедший на встречу с другом Гу Танцзиня, окончательно избавился от нерешительности.

Чтобы удобнее было поговорить, Тан Бою провел их в свою комнату.

— Ну-ка дай взгляну на твою ногу! Только что видел, как ты хромал. Ся-гэр, присядь отдохни, а я гляну ногу брата Гу, — войдя в комнату, поспешно проговорил Тан Бою.

Снаружи о таком спрашивать не годилось, потому он прикрыл дверь и выложил вопрос: неужто лекарь Пэн плохо вправил кость?

— Я притворялся. Снаружи я по-прежнему хромой, фулан обычно помогает мне скрывать это, а теперь вот и ты знаешь, — с этими словами Гу Танцзинь сделал несколько широких, уверенных шагов.

И близко не похоже на ту хромоту, с какой он шел только что!

Тан Бою облегченно вздохнул, но все же выслушал пульс Гу Танцзиня и заботливо осмотрел поврежденную левую ногу.

Цзи Жунся, видя это, тихонько спросил у системы: «Маленький мастер, а ямс ведь тоже можно использовать как лекарство?»

В этом он не был уверен, оттого решил спросить.

Система Бога Кулинарии: «Именно так, хозяин. Ямс восполняет ци, питает инь, укрепляет селезенку, легкие и почки. Если хозяин желает преподнести ямс в подарок, учтите: время созревания ямса обычно приходится на осень. Хотя в последние дни похолодало, на дворе все еще лето. Поэтому, если вас спросят, откуда ямс, говорите, что собрали в горах — на высоте холоднее».

«Вау! Маленький мастер становится все заботливее, ты уже научился предугадывать! Я и впрямь об этом подумал», — Цзи Жунся сперва не замыслил ничего подобного, но, видя, как Тан Бою печется о Танцзине, захотел подарить побольше всего.

Едва Цзи Жунся закончил мысль, как почувствовал, что заплочный короб снова слегка потяжелел.

«Ямс уже помещен в короб хозяина, извольте проверить», — Система Бога Кулинарии сработала надежно.

Цзи Жунся чуть приподнял уголки губ: «Я так и знал, что маленький мастер необыкновенный — может предусмотреть всё раньше меня!»

Система Бога Кулинарии, получив капельку похвалы, осталась довольна и, видя, что у Цзи Жунся нет больше дел, вновь погрузилась в полудрему.

— Та очень хорошо поправился! — невольно воскликнул Тан Бою, осмотрев ногу Гу Танцзиня.
— Работа лекаря Пэна великолепна! Я тогда глянул на твою ногу и подумал, что даже дед мой не соберет. К счастью, лекарь Пэн смилостивился над твоими молодыми годами да согласился помочь и сохранить все в тайне, а иначе не миновать бы беды.

Вспоминая о том случае, Тан Бою, на чьем лице еще сохранялась детская пухлость, явил

отпечаток глубокого облегчения.

— Все благодаря тебе. Мы вот думали тайно сходить поклониться и отблагодарить старого лекаря Пэна, — проговорил Цзи Жунся.

— Эх, не выйдет, — Тан Бою махнул рукой. — Старый лекарь Пэн уехал со своим сыном в столицу на покой, нет его больше в префектуре. Сына его прежде был лишь тысячником, а позапрошлом году за военные заслуги поднялся в чине, и его перевели прямым в столицу. Ему больше не нужно страдать на границе. Вот сын и забрал отца к себе. Теперь старого лекаря Пэна нам не видать. Оттого и говорю — повезло тебе! Случись это годом позже, я бы и при всем желании не сыскал человека.

Гу Танцзинь, услышав это, тоже поразился собственной удаче и порадовался за старого лекаря Пэна, обретшего покой на склоне лет:

— Старому лекарю Пэну отправиться с семьей сына в столицу на покой — великое благо.

Тан Бою: — И не говори! Столица... Я вот там ни разу не бывал, и понятия не имею, какова она.

Цзи Жунся про себя подумал, что и сам не знает, какова столица, но искренне радовался за старого лекаря. Он слышал, что тот вышел из военных лекарей, а в прежние годы повсюду пылали междоусобицы — жизнь у него была не из легких. Теперь же подле детей да внуков — что может быть лучше?

— Раз так, не пойдем. А гостинцы, что приготовили, отдаем тебе. Ты уж не брезгуй — тут лишь немного еды, — Цзи Жунся отпер плетеный короб и стал вынимать принесенное одно за другим.

— Вот и ладно, вот и хорошо! Не стану я с вами церемониться. Я слышал от брата Гу, что ваша семья владеет рестораном, так что там наверняка много хорошей еды! — Тан Бою не стал отказываться и естественным образом откликнулся на предложение.

Однако ж первой вещью, которую выудил Цзи Жунся, оказалась горсть ямса, чем не на шутку ошеломил Тан Бою.

Тан Бою поспешно сказал:

— В эту пору ямс — вещь редкая да дорогая! Зачем вы это принесли? Давайте-ка я у вас его выкуплю по цене, по какой лечебница закупает лекарственные снадобья!

— Ты только что пообещал не отказываться, так что теперь ты не можешь нарушить своё слово, — с улыбкой проговорил Гу Танцзинь.

Взор его, устремленный на Цзи Жунся, лучился нежностью: прежде они не договаривались доставать ямс, стало быть, Ся-гэр сам тайком добавил его.

— Ох ты ж, ну и язык мой... — Тан Бою никак не ожидал, что Цзи Жунся и Гу Танцзинь принесут ямс.

— Это вот пирог таро, это — юаньсяо, а еще наши собственные лепёшки «дяочжабин», тушеное мясо и свинина с таро «коужоу». Вещи недорогие, просто попробовать новенького.

Тан Бою выслушал перечень и обомлел: он не пробовал ровным счетом ничего из названного!

Вот уж удивительно! Сам-то он любил поесть и обошел едва ли не все съестные лавки в префектуре — и вдруг нашлись вещи, которых он и в глаза не видывал?

— А можно мне сейчас пару кусочков попробовать? — Тан Бою облизнул губы, испытывая некоторую неловкость.

Есть угощение прямо при гостях казалось не совсем вежливым.

— Для того и принесли, чтобы ты оценил мастерство Ся-гэра. Ешь смело, — Гу Танцзинь не удержался от смешка.

Тан Бою выбежал, схватил пару палочек для еды и пустую маленькую миску.

Да еще принес две чашки чая.

Чай заварил матушка, наказав, что нельзя гостей без чашки чая оставлять.

Тан Бою поставил чай перед ними, а сам поддел кусочек свинины с таро. Блюдо все еще пылало жаром в бамбуковой трубочке; подача свинины с таро слегка сбилась, утратив строгий порядок «ломтик таро — ломтик мяса», но вкус ничуть не изменился.

Тан Бою с первого же укуса влюбился во вкус таро — густой, мягкий и ароматный.

— Вкусно-то как! Неужто это и впрямь таро? Разве таро бывает таким вкусным? — Тан Бою ел и сам начал сомневаться в себе.

Гу Танцзинь, не меняя выражения лица, сказал:

— Этот таро мы купили у торговцев, сказали, южный таро, плоды у него покрупнее. Мы вот думаем и сами немного посадить. Если придутся по душе да вырастить сумеем — впредь будем тебе присылать.

— Договорились! Ой, нет... Я помню, у вас ведь нет земли? Как же вы сажать собрались? — ел Тан Бою да с любопытством допытывался.

Гу Танцзинь ответил:

— Мы прикупили два надела земли. Сейчас меня очень интересует сельское хозяйство, набрал всяких диковинных семян. К экзаменам мне пока пути нет — подожду пару лет, пока Чжао цзюйжэнь обо мне и думать забудет, вот тогда и пойду сдавать провинциальный экзамен. Лучше б разом сдать, а не то хлопот не оберешься. А эти годы думаю пока земледелием заняться — выращенные овощи как раз в лавку пойдут.

— Земледелием? — Тан Бою не переставал жевать, щеки его раздулись, а миндалевидные глаза с сомнением оглядывали Гу Танцзиня.

Тан Бою знал, что Гу Танцзинь силен в науках да статьях, а вот насчет земли... Тут у него веры не было.

Похоже, не видать ему этого таро в будущем.

При этой мысли Тан Бою стал уплетать еду с еще большим усердием.

— Танцзинь очень хорошо разбирается и в сельском хозяйстве! Мы вот в префектуру прибыли

еще и за тем, чтобы хороших семян прикупить, — Цзи Жунся тихонько похвалил Гу Танцзиня, а заодно не забыл поведать Тан Бою о намерении купить семена. Это послужит намеком другу Танцзиня: если бы потом зашел разговор, все уже будут знать об этом деле, и это избавит их от лишних расспросов.

Тан Бою непрестанно кивал: фулан у брата Гу заботливый, оттого у Гу Танцзиня и вид такой цветущий! Если жизнь в радость, как лицу не цвести?

— Чтобы вам хороших семян прикупить, ступайте в зерновую лавку на улице Хэюнь. Слышал, торгуют они по совести, — Тан Бою знал не так много, оттого, помедлив, припомнил лишь эту одну лавку с добрым именем.

— Правда? Тогда мы непременно заглянем! — Цзи Жунся охотно поддержал разговор.

От этого Тан Бою даже смутился.

Он уткнулся носом в лепёшку «дяочжабин» и откусил добрый кусок.

Острая, ароматная лепёшка снаружи была хрустящей, а внутри мягкой — будто только из печи! Как они ее донесли-то? Неужто по приезде в префектуру отыскивали где печь да заново испекли?!

Кушанье, может, и не из дорогих, но душевное тепло за ним стоит немалое.

Тан Бою чувствовал, что обрел хорошего друга в лице Гу Танцзиня, да и удача у того великая — взять в фуланы Ся-гэра с таким-то умением! Впредь он не будет испытывать недостатка в хорошей еде.

Гу Танцзинь: — Кстати, мы хотели бы купить у вас в аптеке немного ангелики, сушеной померанцевой корки, гвоздики, дягиля...

Гу Танцзинь в один вдох выпалил целую вереницу названий.

— Так вы хотите сами пряности составить? Сейчас я вам все отмеряю — гарантирую, выйдет недорого, добротнo да на совесть, — Тан Бою сразу понят, что лекарственные травы понадобятся им для приправ. При лечебнице имелась и аптечная лавка, и повара нередко заглаживали к ним за подобным товаром.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь знали, что тот занят, оттого задерживаться не стали. Закупив необходимое, они договорились поддерживать связь по почте и собрались уходить.

Перед их уходом, Тан Бою запнулся и с нерешительностью спросил:

— Не хочешь поведать Чжао цзюйжэня? Как-никак он твой наставник.

— Я лишь прибыл с фуланом в префектуру, чтобы купить кое-какие вещи. Для такого никчемного ученика, как я, довольно и того, что по праздникам подарки отправляю, — будь Гу Танцзинь один, он мог бы зайти к Чжао цзюйжэню, но сейчас с ним Ся-гэр, и видеть этого человека он не желал.

Тан Бою проговорил:

— И то правда. Впредь не проси чужих людей — лишняя морока. Пересылай все ко мне, а я при случае сам занесу. Я ведь тоже его ученик, мне в его дом входить проще.

— Так не пойдёт. Ты лекарь, а он человек подозрительный. А вдруг заподозрит неладное. Я и сегодня пришел пораньше, чтобы лишних глаз избежать, — ответил Гу Танцзинь.

Тан Бою рассудил, что в этих словах есть смысл, и настаивать не стал, проводив их до ворот.

Едва гости ушли, Тан Бою сварил юаньсяо и позвал всех попробовать угощение.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь принесли немало еды — хватило и семье, и ученикам.

Даже тяжелому раненому, когда тот очнулся, перепала миска горячих юаньсяо.

Посторонним Тан Бою лишь сказал, будто прислал дальний друг, не упоминая имени Гу Танцзиня и размывая подробности, чтобы весть не дошла до Чжао цзюйжэня.

Впрочем, Чжао цзюйжэнь после того, как повредил лицо, редко покидал академию. Нрав у него стал скверным, и охотников при нем чесать языками не находилось. Поступки Тан Бою казались излишней предосторожностью, но осторожность никому еще не вредила.

В юаньсяо имелся и сахар, и жидкие сливки; поедая их, человек ощущал приятное тепло по всему телу. Тот раненый, уходя в тот день, уговорами да мольбами унес с собой еще и мешочек с юаньсяо.

Из-за этого Тан Бою почувствовал, что они больше не похожи на медицинскую клинику.

Тем временем Цзи Жунся и Гу Танцзинь последующие дни посвятили прогулкам по префектуре да поиску диковинных семян и зерна.

Если уж разыгрывать представление, так до конца, иначе выйдет неубедительно.

А еще они купили три отреза тонкого хлопкового полотна, чтобы по возвращении сшить по новому наряду родителям с обеих сторон.

Цзи Жунся прикупил изящный ножичек — и кожицу счистить, и при себе носить удобно. Хоть в ресторане ножей хватало, Цзи Жунся не смог устоять и купил нож, который ему понравился.

Они наведались и в книжную лавку, где Гу Танцзинь отобрал несколько книг.

Каждый вечер Цзи Жунся по обыкновению уходил в пространство системы выполнять задания.

Система Бога Кулинарии не обманула Цзи Жунся: после свинины с таро «коужоу» задания пошли проще. Одно за другим он приготовил обжаренную курицу с перцем «хуачао лацзыцзи», свинину в кисло-сладком соусе «гобаожоу» и салат-латук в устричном соусе.

Хоть эти три блюда тоже простыми не назовёшь — для салата устричный соус Цзи Жунся пришлось варить самому по рецепту, ведь до того он понятия не имел ни о каком устричном соусе, да и о самих устрицах не слышал, — но по сравнению с самостоятельным составлениемпряного порошка это казалось намного проще.

По крайней мере, Цзи Жунся успевал освоить блюдо меньше чем за час, и прогресс летел вперед во весь опор.

Три дня спустя, наполнив коробы доверху, они сели на лодку и не спеша вернулись в уезд Цинчи.

Когда они прибыли, только-только смеркалось. Цзи Жунся и Гу Танцзинь внезапно вошли через заднюю дверь. Мывшие посуду Гу Чунцай и Яо Тяньлань замерли от радостной неожиданности.

— Что ж вы так быстро вернулись? Почему еще на пару дней не задержались? — Яо Тяньлань поспешила навстречу, помогая снять плетеные коробки.

— Нагулялись вволю! В префектуре ничего особенного и нет, дома куда комфортнее, — улыбнулся Цзи Жунся.

— Как сладко говоришь! Скорее умывайтесь и отдыхайте. Гляньте-ка, весь лоб в поту! Долго на лодке плыли? Наверное, очень устали, — Яо Тяньлань помогла снять коробки, поставила их на стол во дворе и велела им скорей умыться.

Оба послушно пошли мыть руки да лица.

Сяохэй и Сяохуан вертелись у ног Цзи Жунся и Гу Танцзиня.

Они немного подросли, но все еще оставались пухленькими колобками.

— Я не ожидал, что они узнают нас и не будут лаять! Какие же они хорошие собаки, — Цзи Жунся, вымыв руки, уже не мог погладить собак, поэтому ему оставалось только смотреть на этих двух пушистых созданий.

Гу Чунцай молча пошёл на кухню и приготовил для них две тарелки супа с клецками и заправил порцией тушеной свиной головы.

Гу Чунцай сказал:

— Сегодня как раз купил у мясника Е свиную голову. Протомил в маринаде, попробовал — вкус вышел довольно хороший. Попробуйте-ка.

— Я и сам хотел свиную голову приготовить, да только томить ее долго. Не думал, что отец раньше меня сделает! Надо непременно попробовать, — Цзи Жунся после долгого плавания и впрямь проголодался. Он поддел палочками соломку из свиного ушка — хрустяще, ароматно и освежающе!

Цзи Жунся и Гу Танцзинь съели весь суп с клецками.

Они порывались помочь вымыть посуду, но Яо Тяньлань наотрез отказалась, выгоняя их мыться да спать.

Цзи Жунся вымылся и, не дождавшись, пока просохнут волосы, повалился на кровать и покрутился, с удовлетворением проговорив:

— Все же дома куда лучше! Кровать-то у нас вон какая огромная, хоть вертись во все стороны!

Гу Танцзинь, глядя, как тот кувыркается, не удержался от улыбки.

Тем временем неподалеку от переулка Уцюй, на улице Ситай, в просторной усадьбе с четырьмя дворами шёл переезд.

У Чжу Пэнъи и У Баоцюаня вещей было немного: погрузив всё на воловью телегу, они за два захода перевезли весь дом, даже не привлекая людей из управы.

Вся семья У Баоцюаня жила вместе. Из-за большого количества людей они могли купить только усадьбу побольше. На этот раз, кроме семьи второго брата, остававшейся в уезде Шоуу приглядывать за торговлей, все остальные перебирались сюда.

Отсюда до переулка Уцью пролегало пять улиц — не совсем близко, да только ближе к переулку Уцью подходящего дома не нашлось.

Прежде здесь жила купеческая семья. С основанием нынешней династии земледелие почиталось, а торговцев ужимали, хоть и не слишком строго, но эта семья вела дела неумело, обеднела, а дом отдала за долги. В залоговой лавке усадьбу привели в порядок: кроме того, что комнаты стояли пустыми, иных изъянов не имелось.

— Ладно, ладно! Через пару дней напишу отцу с матерью, пусть перебираются, — удовлетворенно проговорил У Баоцюань.

Чжу Пэнъи зехнул:

— Господин, время позднее, пойдёмте спать.

Хотя вещей было немного, переезд все равно был тяжелой работой. К тому же господин сегодня разобрал несколько дел, и Чжу Пэнъи как доверенное лицо весь день суетился рядом, выбившись из сил.

Иной раз Чжу Пэнъи и сам удивлялся: разве богатеи из тучных не устают едва пошевелившись?

А господин их — совсем другое дело! Хоть и тучен, а духом бодр да рьян: в преклонных годах встает рано, ложится поздно, каждый день снует туда-сюда, Чжу Пэнъи за ним и не поспевал.

В управе нынче все прониклись уважением: новый магистрат не стал устраивать суматоху и показуху, а за эти дни разобрал почти все накопившиеся дела да бумаги.

Хоть господин и щедр — за лишнюю работу и денег даст, и едой угостит, — а все ж нелегко!

— Верно, сегодня ляжем пораньше. Теперь живем близко, завтра нужно сходить проверить, не открыли ли лавку с завтраками. Эх, прошло уже дней пять-шесть, пора бы уж! — У Баоцюань погладил свой круглый живот и вздохнул.

Попробовав единожды шэньцзяни, дяочжабины и лепёшки с мясом, он только о них и думал.

Шэньцзяни славились больше всего. Хоть семья Лян и устроила смуту, некоторые люди все же стали повторять их блюдо, и поскольку ингредиенты у них были получше, чем в лавке семьи Лян, а цена ниже, чем у Цзи Жунся, они переманили немало покупателей.

У Баоцюань прикупил немного попробовать — да все не то!

И чем недоступнее еда, тем сильнее хочется ее съесть.

Чжу Пэнъи про себя подумал: господин, вы же сами знаете, что прошло всего дней пять-шесть, а они говорили, что десять дней открываться не будут!

Зачем зря ходить?

Впрочем, Чжу Пэнъи перечить не стал — все равно не отговоришь. Оставалось лишь ждать,

пока господин завтра вернется ни с чем.

— Апчхи! — Цзи Жунся чихнул.

— Что с тобой? — Гу Танцзинь подошел ближе.

— Ничего страшного, немного замерз, наверное. Танцзинь, как думаешь, стоит нам завтра открывать торговлю? Рису до всходов еще далеко, а таро я проверил — оно проросло. В эти дни нам надо лишь высадить немного таро в поле, работа не из тяжелых, — Цзи Жунся давно не торговал, и на душе у него было беспокойно.

Сколько постоянных покупателей успели накопить!

— Что ж, приготовим поменьше еды, зато сварим побольше фруктовых напитков на продажу. Так и отдохнуть успеем, — Гу Танцзинь, видя, что Цзи Жунся и впрямь рвется за дело, предложил разумный выход.

Цзи Жунся остался доволен:

— Ладно, так и поступим!

—

<http://bllate.org/book/17885/1867085>